

Влад Павлович

Летим со мной!

Персонажи телесериала «Чип и Дейл спешат на помощь», а именно Чип, Дейл, Гайка, Рокфор, Вжик, Спарки, Дзынь, Тамми и Бинк, являются собственностью компании «Walt Disney» и используются в данном произведении без согласия правообладателя.

Данное произведение создано исключительно с целью развлечения, не преследует целью извлечение какой-либо коммерческой выгоды и распространяется исключительно свободным копированием. Если вы в какой-либо форме заплатили за данное произведение деньги, требуйте их возврата.

- 1 -

Небесным светом сияли её яркие одежды. Выбившиеся из-под пилотского шлема волосы развевались на врывавшемся в распахнутую дверь ветру, как рыжее пламя.

Она захлопнула дверь. Шагнула вперёд, всмотрелась в лица полярников, сгрудившихся в тесном помещении под тусклой лампочкой от человеческого фонарика. Отряхнула снег с пышного беличьего хвоста.

— Я прибыла за вами, — коротко бросила она. — Все здесь?

Карие глаза смотрели открыто и прямо.

— Бог мой... — выдохнул кто-то из собравшихся. — Это же...

— Эмили Фрэйзер! — вскрикнул другой.

— Оранжевая Лётчица... — эхом пронеслось позади...

...Чип отвернулся от экрана. Взглянул на сидевшую рядом прекрасную спутницу.

Её яркие одежды окутывал небесный свет. Пышные рыжие волосы, выбившиеся из-под лётного шлема, казались застывшим пламенем.

Какая красавица!

Он тихонько сжал её тонкую, но сильную руку. Посмотрел в широко раскрытые, светящиеся неземной любовью карие глаза.

— Эмили... — прошептали его губы.

— Чип... — послышалось в ответ.

Сзади, через два ряда, шумно прыснула, развеселившись неизвестно чему, пьяненькая Фокси. Забубнил что-то Дейл, зашикал на обоих Рокфор. Кто-то совсем рядом шумно чесался...

Её волосы пахли самолётным топливом — остро и нестерпимо сладко...

...Коренастый мыш в военной форме вышел вперёд. Пошевелил пышными усами, громко прочистил горло.

— Полный состав арктической научной базы «Пири¹-2» находится непосредственно перед вами, мэм! — гаркнул хрипло. — Докладывает заместитель начальника экспедиции полковник в отставке Роберт Элвешем.

Следом размашисто вышел очень высокий и очень худой крыс в длинном пальто, со старомодными очками на остром носу. С сомнением осмотрел Лётчицу с ног до головы, бросил:

— Доктор Норман Браун, руководитель экспедиции. Вы знаете, мэм, что приближается сильный шторм? Вы вообще смотрели сводки погоды перед вылетом? Возможно, будет безопаснее переждать здесь, в помещении базы, нежели отправляться в полёт, на верную смерть...

Пушечный грохот ломающегося льда прервал его. Строевание покачнулось; лампочка под потолком мигнула.

— Это здесь вас поджидает верная смерть, уважаемый доктор, — ледяным тоном ответила Эмили. — Мой самолёт, «Оранжевый вихрь», совсем рядом, здесь, за ледяным валом. Спешите!

Учёные засуетились, похватили сваленные на пол у стен сумки и ящики. Сразу двое, как назло, оба необъятно-толстые, распахнули дверь и застряли в ней.

— Отставить толкотню! — затряс усами полковник. — Реджи, старина, да что с тобой? возьми себя в руки! Торнтон, а вас, когда вернёмся в университет, я отправлю на гауптвахту! да плевать, что её там нет! значит, будет!!!

Молоденький мыш, трясясь, как осиновый лист, приблизился к двери. В его синих глазах стояли слёзы.

— Коул, осторожнее с пробами льда, — полковник хлопнул по плечу очередного выходившего в дверь. — Мистер Браун, прошу... нет-нет, штатские — в первую очередь! А ты, новобранец, чего весь в слезах? А ну отставить распускать нюни!

Мыш шмыгнул носом.

---

¹ Роберт Эдвин Пири (6 мая 1856 — 20 февраля 1920) — американский исследователь Арктики, путешественник.

— Я боюсь подниматься в воздух... ужасно просто...

Эмили шагнула к нему. Мягко взяла рукой за подбородок, подняла ему голову.

— Не бойся, — сказала она...

— ...Летим со мной!.. — коснулся щеки Чипа её едва слышный шёпот...

- 2 -

— Ба-а-а! Ба-а-а! — не уставал ахать Рокфор, — Да вы только посмотрите на это диво!

Он стоял перед телевизором с большущим экраном. Разинув рот, разглядывал необычно яркое, сочное изображение.

— Прямо колдовство какое... — крутил головой. — И ведь тонюсенький, как листик картона!.. Да-а-а, братцы, вон до чего наша, звериная техника дошла...

А Дейл буквально прилип к экрану — за уши не оттащишь.

По телевизору показывали Гаечку.

В белоснежной шубке, в пушистой шапочке с прорезями, из которых торчали ушки, в пухлых меховых сапожках она стояла посреди обширного ангара, занятого разнообразной звериной техникой. Чип четыре больших самолёта, три маленьких, три гусеничных вездехода и один колёсный — высоченный, с громадным кузовом, по бортам которого в два ряда тянулись окна, с длинными выхлопными трубами прославленный «Король Антарктики».

Рядом с мышкой, синий от холода в своей тоненькой суконной курточке, приплясывал, дул в кулак её муж — изобретатель и путешественник Артемус Флайт².

Бравший интервью репортёр, длинный крыс в яркой спортивной куртке с модной косичкой на макушке, сунул Гайке под нос микрофон, спросил что-то.

— Извините, мистер Кларк, — Чип оторвался от блокнотика, — можно сделать звук чуть громче?

Заведующий магазином торопливо кивнул:

— Конечно-конечно, уважаемый мистер Мэйплвуд! Сейчас, секунду, — и нажал кнопку на пульте.

---

² См. рассказ «Шар голубой».

Из мощных динамиков в помещение магазина ворвался рёв моторов и зычные крики зверей.

— И куда вы собираетесь отправиться теперь? — слышался голос телевизионщика.

Милая мышка улыбнулась в камеру.

— Профессор Шульц, руководитель экспедиции, в которой принимаем участие и мы с мужем, намеревается двинуться южнее, вдоль Хребта королевы Александры. Мы хотим отыскать проход через горы и уже сквозь него выйти к станции «Амундсен-Скотт», что располагается непосредственно на Южном географическом полюсе.

— Полагаю, вы ожидаете от этой экспедиции очень многого.

— О, да! Во-первых, — Гайка загнула пальчик, — этим путём не проходил ещё ни один зверь, да и люди, насколько я знаю, тоже. Во-вторых, попутно мы испытаем новое морозоустойчивое топливо. Кстати, разработал его мой супруг.

Артемус с трудом улыбнулся и заклацал зубами, как отбойный молоток.

— Не скучаете по дому, — напоследок спросил репортёр, — по штабу, по друзьям?

По личику прелестной изобретательницы пробежала лёгкая тень.

— Очень, — призналась она. — Несмотря на то, что я регулярно связываюсь с ними по радио. Мы ведь вот уже почти год не были дома... Наше свадебное путешествие несколько затянулось: поиски затерянного звериного города в джунглях Габона (это в Экваториальной Африке) по просьбе Курсака, участие в Трансавстралийских воздушных гонках, взятие проб льда в Гренландии по заказу Звериного университета Торонто, ботанические исследования в Центральной Америке... А вот теперь мы оказались в Антарктиде, на станции Мак-Мёрдо!

— И д-д-д-даже с-с-с-сами н-не п-п-поняли, к-к-к-как! — кое-как выговорил её супруг.

Гайка обернулась к нему. Сорвала с себя шапку, нахлобучила ему на голову.

— Иди в вездеход, погрейся, — сказала заботливо. — Не хватало, чтобы ты простудился перед такой важной экспедицией... Которая, к тому же, — обернулась она к репортёру, — станет последней в нашем затянувшемся путешествии. Да-да, через месяц мы будем дома!

Мышка исчезла. По экрану потянулись заснеженные пейзажи шестого, самого безжизненного континента планеты...

— А у нашей мышеньки дела-то идут неплохо, — довольно пробасил австралиец. — И с мужем они душа в душу. А там и домой скоро вернутся!

Чип деловито черкнул карандашиком в блокноте.

— Вы говорите, — продолжил он разговор с заведующим, — что не запомнили лица ограбившего вас преступника. Но хотя бы его биологический вид вы можете назвать? Это может существенно упростить поиски.

Заведующий задумался.

— Вроде как крыс... нет, опоссум... или всё-таки крыс?.. По крайней мере, совершенно точно не белка — я не заметил беличьего хвоста...

— ...Маловато примет... — вздохнул толстый мыш, когда они, распрощавшись с заведующим и с трудом отклеив Дейла от телека, вышли наружу. — Этак мы ни в жисть не найдём ворюгу.

— Мистер Кларк сообщил важную подробность, — возразил командир Спасателей, пряча блокнот. — Он заметил на запястье грабителя татуировку в виде креста. Насколько я помню, их носят лишь члены банды «Терминал».

В его кармане хрюкнула рация. Чип достал плоскую чёрную коробочку, прижал к уху.

— Что случилось, Спарки? Так... так... понятно... Будут тебе детали.

Вжик сел ему на плечо, пискнул.

— Да, — бурундук вздохнул, пряча рацию, — Спарки нужны ещё два транзистора той же марки... Да, снова сжёг — забыл, что они низковольтные...

— А Фокси просила олифы — разводить краску, — напомнил Дейл. — И ещё цветные карандаши, и ниток, и лист самого толстого картона.

— Тогда не будем терять времени, — Чип взмахнул рукой. — Идём!

Весь четвёртый этаж Рыночного квартала — недостроенного здания, расположенного почти в самом центре Лос-Анджелеса, по какой-то причине не снесённого и обустроенного зверьми под всякого рода коммерческие предприятия, — занимали дорогие магазины и шикарные бутики. Правда, в самой середине зиял внушительный провал, но звериные строители перекинули над ним широкий мост с ажурными перилами (и даже умудрились втиснуть на него парочку магазинчиков с открытками и сувенирами).

Четвёрка Спасателей уже подходила к мосту, когда мимо со скоростью пули пронёсся какой-то долговязый оборванец в драном чёрном плаще, а позади раздался истошный крик:

— А-а-а! Меня обокрали, похитили сумочку! Помогите! Полиция!

Разумеется, ни единого офицера Звериной полиции поблизости не было. А вор, сжимая в руках украденную сумочку, взмахивая полами длиннющего плаща, будто чёрным пиратским знаменем, одолел уже добрую треть моста.

Командир Спасателей поглубже натянул шляпу на голову. Скрипнул зубами от злости, увидев, как преступник толкнул в сторону пожилую белку, грузёную неподъёмными мешками.

— За ним!

И первым бросился вперёд.

Рядом ужом протиснулся между двумя необъятно-толстыми хомьяками Дейл, пламенея гавайкой, понёсся дальше. Над головой пронёсся быстрый Вжик; грузный Рокки, пыхтя, как кузнечные меха, топал позади.

Вот и вход на мост. Притиснувшийся к самому обрыву последний магазинчик, в котором продают пончики и пирожки с вареньем. Укреплённая на перилах доска с объявлениями.

На доске как раз наклеили афишу фильма «Долина тысячи душ» — самого первого из повествующих об Оранжевой Лётчице (кажется, в звериных кинотеатрах города намечался повторный показ). На афише Эмили Фрэйзер стояла во весь рост на дикой скале; ветер развевал рыжие волосы, в синих глазах сияло заходящее солнце.

Взгляд бурундука скользнул по грубой бумаге, по большим буквам, которыми были набраны название и имя исполнительницы главной роли, по мелким буковкам имён остальных актёров. Остановился на её лице...

...Дейл хлюпнул разбитым носом, сжал кулаки и пошёл в новую атаку на вора. Вжик кружил вокруг, безуспешно пытаясь ударить преступника в глаз. Как стадо бешеных слонов, ревел Рокфор, проталкиваясь сквозь толпу.

— Чип! Где ты? — безуспешно звал он. — Чип, мы не справимся без тебя! Чиппи!..

...Чип, не двигаясь, стоял у афиши.

Мир вокруг перестал существовать. Исчезло всё — и толпящиеся вокруг звери, и доносящийся из пекарни на той стороне моста сладкий запах выпечки, и едкая вонь краски, поднимавшаяся с третьего этажа (там шёл ремонт), и мост, и сам Рыночный квартал.

Остались лишь её огромные, широко раскрытые, невероятно яркие глаза...

* * *

И смолкать.

И смотреть не прямо...

Ларисса Андерсен.

— Привет, Чип, — шепнула Тамми.

И тотчас пугливо оглянулась — не стоит ли кто за её спиной. Если услышат, как она разговаривает, чего доброго, отправят к доктору Голдстайну, психиатру, благо его кабинет совсем недалеко...

— Как дела, Чип? Как Дейл и Фокси? Не ссорятся? Я прочла в газете об их свадьбе... Как Рокфор? Всё так же любит сыр? А Вжик?

Ручка тяжёлой швабры была вся в щепках. Белка остановилась, прислонилась швабру к стене, со всхлипом выдрала из ладони занозу.

Мимо протопали два санитара: длинный, под самый потолок, Джим и приземистый, коренастый Кен. Джим сразу невзлюбил её, как только она устроилась здесь на работу, а Кен вроде относился к ней неплохо, хотя и старался держаться подальше, как от прокажённой.

Как и все здесь, впрочем...

«...Нам тут такие не нужны, милочка!» — отрезала тогда Марта Фосс, старшая медсестра. — «У нас приличное учреждение, муниципальная больница, между прочим, а не притон какой-нибудь...»

И, будто ядовитого слизняка, отшвырнула от себя напечатанную на серенькой бумаге справку.

«Дверь прямо за вами!...»

Заливаясь слезами, несчастная белка упала перед ней на колени...

— ...А у меня всё хорошо... ну-у-у, сносно... — Тамми смахнула слезу. Зашкрябала по полу тряпкой. — У меня появилась постоянная работа. Я вернулась в старую квартиру. Бинк тоже... в порядке... почти... — Всхлипнула, утёрла глаза рукавом форменного синего халата. — Не жалуюсь!..

Тут ей пришлось посторониться — по коридору двигалась целая толпа посетителей, явившихся на медосмотр. А за ними, как назло, важно вышагивали две медсестры: остроносенькая, с вытянутыми, как у кролика, ушами Меган Блэкстоун, настоящий кладёз местных слухов и сплетен, и — начальство, миссис Фосс собственной персоной.

— Плохо работаете, уважаемая Филлис Тамара Джеймисон, — главная медсестра выцедила её полное имя, будто полную бутылку уксуса. — Или, может, называть вас... как его?... сценическим псевдонимом?

— Ага, — с готовностью отозвалась Меган и аж подпрыгнула на месте. — Тамара Джей.

Тамми промолчала. Отвернулась, чтобы те не увидели её вспыхнувшее лицо.

— Медленно работаете, — миссис Фосс была непреклонна. — В вестибюле внизу целые горы мусора, а остальные санитары заняты. Будете продолжать в том же духе — и мы будем вынуждены распрощаться с вами.

И зашагала дальше, не оборачиваясь, прямая и равнодушная.

Блэкстоун припустила за ней. Меленько семенила, пробежала несколько шагов, обернулась, бросила — будто плюнула в лицо:

— Наркоманка! И мырма! Тебя выгонят, обязательно выгонят — и недели не пройдёт!

Тамми перехватила швабру. Нагнулась, выгребла из-под скамейки несколько бумажек и половинку печенья, бросила в мешок для мусора. Сняла со швабры тряпку, плюхнула в ведро.

Её глаза были сухи.

— А ещё, Чиппи, — заговорила она негромко, — меня взяли в клуб «Утлый челнок», это на юго-западе. Район бедный и довольно опасный, но всё-таки дополнительный заработок. Я пою там по вечерам... Совсем как раньше, мой милый Чиппи, когда я ещё ходила к вам в гости!

Кто-то из больных уронил на пол таблетку и, не заметив, раздавил её. Тамми наклонилась, пальцем собрала белый порошок...

«Попробуй!» — будто наяву услышала она глухой низкий голос Дюка. — «Это ангельская пыльца!»

На толстом пальце Дюка тускло горел золотой перстень. От грубой ладони явственно пахло порошком.

«Занимаюсь я... скажем так, разными делами... Тебе знать необязательно...»

«Босс, птичка на хвосте принесла, что копы подбираются к нам!...»

«Доктор, он мёртв! Мертворождённый!»

Белка помотала головой, прогоняя дурные воспоминания. Сгребла растоптанную таблетку в ладонь, высыпала в мешок. Подхватила неподъёмное ведро, прошагала к туалету, толкнула неподатливую дверь, едва не расплескав грязную воду. Поставила ведро на пол, остановилась перевести дух.

— Тебе нравилось, как я пела... — проговорила она. — Помнишь тот маленький театрик на краю парка, в дупле большого вяза, куда ты с друзьями приходил на моё первое выступление? Жаль, что он уже закрылся...

Из забитой до отказа урны торчала газета. Крупные буквы складывались в заголовок: «Команда Спасателей отмечает юбилей!»

Белка схватила измятый лист. Дрожащими руками расправила, всмотрелась в групповую фотографию бравой команды, нашла на ней милое лицо.

— Как ты красив, Чиппи... — всхлипнула она. — Я вчера видела тебя на мосту в Рыночном квартале и... Господи... как ты дорог мне!..

- 3 -

В ярких оранжевых одеждах, с развевающимися на ветру огненными волосами смело и прямо стояла она посреди окружавшей её грязи и запустения. Пилотский шлем на её голове сиял, словно корона.

Вечно юная королева запредельного мира...

Чёрные тени робко жались по углам, не осмеливаясь приблизиться.

Она протянула руку поверженному на землю молоденькому пилоту.

— Поднимайся. Нужно торопиться.

Тот приподнялся, глянул робко.

— Но мой самолёт взорван...

— Зато мой в полной исправности, ждёт недалеко отсюда. Модель «Хантер-22», я зову его «Оранжевый вихрь».

— Но нас не выпустят отсюда...

— Пусть только попробуют!

Какой-то тип выскользнул из окружающей черноты, припав к земле, змеей подполз к ней. В костлявой руке сверкнул ржавый нож.

Р-р-раз!

Молниеносный удар тонкой руки — злодей складывается пополам, роняет нож в грязь.

— Я же сказала: нужно торопиться! Вставай скорее, боец!..

— ...Летим со мной!.. — едва слышно выдохнул Чип.

И тотчас получил чувствительный тычок в бок.

— Командир, не спать! — гудит бесцеремонный Дзынь, друг Спарки, морской свин, здоровый, но малость неуклюжий и вечно, в любую погоду, потный. — Мы же не хотим упустить бандитов, как в прошлый раз...

Хрюкает рация. Спарки докладывает, что на подходах пока всё чисто, что сделанный им электрический парализатор в порядке и заряжен, что он сам очень рад, что в своё время согласился пополнить отряд Спасателей, и что он всё сделает правильно. Его перебивает сердитый писк Вжика; маленький мух требует соблюдать тишину.

Тихо.

Рыночный квартал спит. В узком проезде, куда выходит задняя дверь ресторана, темно, только вдалеке светит чуть живая лампочка. Лёгкий ветерок шевелит валяющийся неподалёку обрывок человеческой газеты.

Горы пустых пластиковых ящиков из-под фасоли и зелени возвышаются у двери. Рядом — штабель человеческих спичечных коробок, в которых обычно доставляют зерно.

Надёжный информатор сообщил Спасателям, что в эту полночь банда «Терминал» собирается ограбить ресторан «У Пауля». Спасатели решили схватить грабителей с поличным.

Оранжевая Лётчица тоже однажды сражалась с бандой воров. Ух, как она их отделала!..

— Мало нас... — с досадой говорит Дзынь. — Плохо, что Дейл заболел... Между прочим, из-за тебя!

Чип вспоминает прошедшую ночь. Они подстерегали в засаде новую шайку Рэта Капоне, хотели поймать, но не смогли. Погнались за ней в цокольный этаж Рыночного квартала и оказались в подвале, полном ледяной воды. Дейл прыгнул через трещину в полу, попытался схватиться за его, Чипа, руку, промахнулся и ухнул вниз.

В памяти всплывает непроглядная чернота провала, истошный крик Дейла, причитания Рокки, карниз, ледяной ветер и красноносый весельчак, завёрнутый в три одеяла и всё равно трясущийся от холода. Штаб, Фокси, варящая на кухне травяной отвар, Спарки, напряжённо сопя, отмеряющий порцию какого-то сильного антибиотика («Выздоровеет за неделю — ручаюсь! Мои друзья из Гарварда прислали!»), снова Фокси, задыхающаяся от рыданий, и сиплый голос Дейла, утешающий её...

Им пришлось взять с собой Спарки и Дзыня, до этого момента исполнявших обязанности штатных инженеров и механиков...

— ...Не унывай! — слышится звучный голос. — Уныние — первый смертный грех настоящего лётчика.

Эмили Фрэйзер стоит прямо перед ним. Пилотские очки сдвинуты на лоб, руки сжаты в кулаки, кобура пистолета расстёгнута. На оранжевой куртке поблёскивает гордый вымпел Эскадрильи особого назначения.

— Пора работает мотор — не всё потеряно, курсант, — звучит её голос. — Летим со мной!..

— ...Идут! — прохрипел из рации голос Спарки. — Будьте готовы...

...Чёрные тени вновь выползли из темноты, обошли с флангов, взяли обоих в кольцо. Лётчица быстро глянула по сторонам, бросила спасённому пилоту:

— Не бойтесь, курсант: их лишь семеро.

И стремительным ударом свалила с ног первого...

— ...Бей их!

Чип распрямившейся пружиной сорвался с места, взлетел высоко в воздух, чтобы всей своей массой обрушиться на сгрудившихся у двери бандитов. Врезался плечом в грудь ящиков, с грохотом обрушил их на приготовившихся к битве Рокки и Дзыня...

— ...Дружище, да что ж с тобой такое? — кричал толстый мыш, тряся командира Спасателей за плечи. — Аль ты не в себе? Аль тоже захворал, не приведи господь?

Бурундук помотал головой, приходя в себя. Огляделся: на бетонном поле лежат связанные трое пойманных бандитов, Дзынь деловито связывает последнего, четвёртого, обрывком суровой нитки, Вжик лепит на окровавленную голову стонущего Спарки пластырь. Рядом валяется сломанный парализатор; длинный заострённый металлический штырь погнут, и с его конца срываются последние тусклые искры.

— Всё в порядке, — Чип поднялся на ноги. С вялой улыбкой бросил: — Пока работает мотор — не всё потеряно...

Сыролюб шумно выдохнул:

— Ну, и слава богу!.. Уф!.. чудом схватили злодеев... Хорошо ещё, что троих зацепило разрядом, и они сразу повалились. Одного, правда, чуть не упустили, спасибо Дзынь его настиг да дюдюкнул по кумполу... Сейчас мы их доставим в участок, сдадим полиции — и домой, спать! Поспать после такого дела не помешает, правда, старина Чиппер?.. Чип? Чип?!

Но командир его не слышал...

...Королева запредельного мира, сказочно прекрасная, вечно юная, стояла прямо перед ним.

— Летим со мной, — сказала она. Протянула руку, зовя с собой. Взглянула на него сверкающими глазами — и невозможно было сопротивляться её пронизывающему, проникающему в самую душу взгляду!..

...Спарки поднялся на ноги. Потрогал залепленную пластырем голову, под тоненькие охи малыша-муха подковылял к друзьям, собравшимся у стены.

С висящего на стене плаката глядела Оранжевая Лётчица.

Чип, опустившись на колени, гладил ладонями грубую бумагу.

— А что случилось? — как ни в чём не бывало поинтересовался лабораторный крыс. — Почему все такие кислые? И почему Чип так странно ведёт себя?.. Неужели, ха-ха, влюбился?

* * *

А потом я осталась снова
Улыбаться, и петь, и жить...

Ларисса Андерсен.

Скорее! Скорее!

Задыхаясь, Тамми остановилась у раскидистого вяза, в котором располагалась её квартира. Понуднее пристроила за спиной тяжёлый мешок с диким зерном, купленным по дешёвке на северо-западе Рыночного квартала, выдохнула, вдохнула и, цепляясь когтями, принялась карабкаться наверх.

Скорее! Скорее! Через час ей выступать в «Утлом челноке», а ведь до него ещё нужно добраться...

Бинк была дома. Сидела, развалившись, на диване, закинув одну затянутую в пёстрый чулочек ножку на другую. Полировала пилочкой изящные коготки, насвистывала что-то со скучающим видом.

— Привет! — бодро крикнула Тамми, входя в гостиную. — Как дела?

Младшая сестра лениво шевельнула плечиком.

— Как дела в школе?

Младшая лишь пфыкнула, скривившись.

— Неужели опять прогуляла?

— Ага...

— Что значит «ага»? Разве ты не понимаешь, что, если не будешь учиться, не сможешь устроиться в жизни?

Бинк скосила густо подведённый тушью глаз.

— Ты вон училась — в школе, а потом на своих актёрских курсах, да ещё на курсах пения... И чё, тебе сильно помогло?

Старшая белка потупила взгляд. Молча поставила сумку на пол.

— Я хочу, — тихо сказала она, — чтобы у тебя всё в жизни было хорошо. Чтобы ты не повторила моих ошибок. Чтобы не связывалась с плохими зверьми...

— Ты же спуталась с Дюком. Всё бегала к нему со съёмок...

Снова перед глазами Тамми проплыли, как в тумане, золотой перстень на пальце, бриллиантовая брошь в ярком галстуке, толстенная сигара, закушенная жёлтыми зубами. Широкополая шляпа, круглые крысиные уши, одно наполовину оборвано, во втором — золотая серьга.

— Дюк — плохой зверь... — её горло внезапно пересохло. — И я очень сожалению, что связалась с ним, когда была в Зверином Голливуде. Это была моя ошибка... и я больше не совершу её снова!

Бинк не слушала её. Сосредоточенно прищурившись, неторопливо подпирала изящный коготок.

Тамми без сил упала на старенький стул, помнивший ещё их отца.

— Мне нужно бежать в клуб, — проговорила она. — Мой номер — первый в программе.

Младшая сестра молчала.

— Я тут купила зерна, очень дёшево, — старшая сестра указала на стоявшую на полу сумку. — Сэкономила немало денег — их хватит, чтобы отдать долг за твою куртку...

Бинк равнодушно глянула на яркую модную курточку, безжалостно скомканную и брошенную рядом.

Тамми тихо вздохнула.

— Сваришь каши, пока меня не будет? Помнишь ещё, как мама нас учила?

Ярко накрашенные губки изогнулись в кислой гримасе.

— Звиняй, сеструха, но я сейчас сваливаю! У меня тоже дела.

Она в последний раз осмотрела свои безукоризненные коготки. Спрятала пилочку, вскочила, схватила куртку, закинула за спину, связала рукава на поясе. Поскребла когтем пятно грязи на рукаве, беспечно махнула рукой, направилась к двери.

Старшая белка устало смотрела ей вслед.

— Дела?.. Опять с твоим ненаглядным Люшесом?

— Люшес классный чувак, — возразила Бинк, открывая дверь. — Он обделывает серьёзные дела, и все его уважают... И хорош читать мне морали! С кем хочу — с тем и вожусь!

И, уже закрывая дверь, резко бросила — будто плюнула в лицо:

— Сама-то давно с тюряги откинулась?..

...Тамми показалось, что она плакала целую вечность. Но стрелки на старых человеческих наручных часах, что висели на стене (их ещё папка повесил!), показывали, что прошла всего пара минут.

Она встала. Достала из шкафа пластиковый пакет с пышным концертным платьем (воротник начал отрываться — надо пришить), бумажку с текстом песни «Летим со мной», которую ей предстояло исполнять в клубе (пробежать глазами перед выступлением — на киносъёмках память часто её подводила). Отнесла сумку с зерном на кухню, достала пару зёрен мятлика, бросила в рот.

Она вышла из квартиры, спустилась по стволу дерева и быстро зашагала по звериной тропинке на остановку рейсового дирижабля №32, следующего в юго-западные районы города.

И заметила мелькнувшую над головой зелёную капельку — странно знакомую...

— Вжик? — тихо позвала она.

* * *

Вжик, как следует отругав чересчур развеселившихся Дейла и Фокси и перекинувшись парой слов с Рокфором, вернулся к Чипу и его прекрасной спутнице. Пристроился на её плече, погладил крохотной ручкой её щёку.

Они держали друг друга за руки и, не отрываясь, глядели на экран. Там федеральный агент, отряженный правительством расследовать преступления Магистра Дарка, сидел в салоне самолёта, намертво вцепившись в подлокотники кресла, и обливался холодным потом...

— ...Извините меня, мисс Фрэйзер, мэм!.. — заикаясь, едва вымолвил он. — Наверно, стоило предупредить вас раньше, ещё на земле... но я страшно боюсь высоты...

Лётчица, как раз возвращавшаяся в пилотскую кабину, остановилась. Присела на соседнее сиденье, положила ему руку на плечо.

— Высоты бояться не стоит, агент...

— Коулридж... Норман Коулридж...

— Бойтесь лучше звериной низости. К тому же, — она поднялась, — вам опасаться нечего — ведь вы летите со мной...

— ...Ты летишь со мной... — шепнул Чип ей в ухо.

- 4 -

— Мы вас не очень отвлекаем? — тихонько спросила Фокси, всегда робевшая в присутствии медиков.

Доктор Штольц, очень высокий, очень прямой и очень носатый мыш, в белом халате нараспашку, прошагал кабинет из конца в конец, вытягивая ноги, будто циркуль. Взмахнул рукой.

— Полноте! — важно выразился по-старинному. — Как я могу отказать самим Спасателям! После всего того, что они для меня сделали...

Он в два шага приблизился к кушетке, на которой лежал безучастный ко всему Чип. Наклонился, переломившись в пояснице, сверкнул старомодными круглыми очками, пощёлкал длинными пальцами перед лицом бурундука. Задрал его веко.

— По вашим словам, уважаемый Рокфор, он пребывает в некоем ступоре, и оный вызван безответной влюблённостью в предмет... гм... прямо скажем, нематериальный... — Выпрямился, едва не упираясь затылком в низковатый потолок кабинета. — Оранжевая Лётчица, если я не ошибаюсь?

Рокки грустно повесил усы.

— Не ошибаетесь, мистер доктор!.. О-хо-хо... И ведь угораздило втюриться в картинку на плакатике!.. Сколько уж лет живу на свете, где только не побывал, чего только не видел — а такое впервые вижу!

Штольц шагнул к окну и принялся протирать очки носовым платком.

— Подобное явление, сударь... Рокфор, если я не ошибаюсь?.. не такая уж и редкость. В психиатрической науке оно известно как синдром Пигмалиона. Знаете ли, был такой человек-скульптор в древней Греции, изготовивший статую прекрасной женщины и влюбившийся в оную...

Дейл, до этого момента неслышно стоявший в уголке рядом с женой, шагнул вперёд, поинтересовался робко:

— Так моего друга можно вылечить, мистер академик?

Доктор с сомнением посмотрел куда-то мимо него.

— Буду честен, — изрёк наконец. — Психиатрия — на данный момент слишком молодая наука, пока не имеющая средств к излечению слишком многих душевных недугов. Увы!.. Но от себя могу порекомендовать больному сменить обстановку, отправиться в путешествие, наконец, пригласить в гости кого-либо из старых знакомых, коих он не видел достаточно долго. Совершенной гарантии не дам — но есть изрядный шанс на излечение!

Рокки запустил пятерню под лётный шлем, заскрёб в затылке. Сказал:

— Ну, как говорится, и то хлеб... Будем думать, как развеселить нашего жожака. Может, действительно соберём старых друзей в гости... э-эх!.. да где ж они теперь, старые друзья-то?..

Вжик негромко пискнул.

— Что-что, малыш? Знаешь, кого пригласить?..

* * *

Я понимаю, веря и не веря, —
Они живут отдельно от меня...

Ларисса Андерсен.

Штаб Спасателей практически не изменился с тех давних пор, как Тамми была здесь в последний раз. Всё так же стоял в гостиной перед телевизором изогнутый дугой синий диван. Всё так же висели под потолком наушники — их повесил Дейл, большой любитель громкой музыки. Всё так же стоял в сторонке милый круглый столик с изящными креслицами и крохотной травинкой в половинке ореховой скорлупки. Всё так же спускалась с верхнего этажа сделанная из велосипедной шины горка, по которой так любила съезжать в своё время малютка Бинк...

И сами Спасатели не изменились. Рокфор ничуть не похудел (хотя ещё при ней неоднократно клялся сесть на строжайшую диету), всё так же был без ума от сыра, обожал долгие посиделки за чаем, когда можно в очередной раз рассказывать истории о своих похождениях, всё так же был шумен, неуклюж и огненно-рыж, хотя в буйной шевелюре уже посвёркивали серебром седые волоски. Вжик всё так же был мал и шустр, всё так же смешно пищал — белка временами понимала его с трудом, — и всё так же, сложив губы трубочкой, трубил сочинённую им самим мелодию — боевой гимн бравой команды.

Дейл тоже почти не изменился. Увидев Тамми, он подпрыгнул и даже перекувыркнулся через голову от радости. Его крылатая супруга, едва весельчак представил девушек друг другу, заулыбалась во весь рот и полезла чмокаться.

— Привет, привет, Тамми! — щебетала она. — Рада знакомству!

Она извинилась за свой затрапезный вид — весь день раскрашивала декорации для театра, в котором служила бутафором, костюмером и даже чуть-чуть актрисой (подменяла одну внезапно заболевшую соню, которой требовалось сыграть официантку, и даже сумела произнести единственную в роли фразу «кушать подано» без запинки), — и убежала сменить заляпанный краской халатик на другой, почище. Дейл тем временем пригласил белку присесть и галантно отодвинул ей креслице.

— А я пока позову Чипа, — бросил он и тоже убежал.

Чип, наверно, сильно устал и теперь отдыхает, решила белка. Села в кресло и стала слушать, как возился у себя Фокси, как гремит на кухне чайником Рокки, бурча себе под нос какую-то мелодию, как в мастерской дребезжат инструментами Спарки и Дзынь, как сказал австралиец, новые механики, заменившие находящихся в экспедиции Гайку и Артемуса, как покрикивают они друг на друга: «Я прикручиваю... а ты держи!» — «Да держу я, держу... а ты прикручивай!» Смахнула с платья приставшую по пути пылинку, торопливо поправила волосы.

Сильный светодиод горел в коридоре. В его белом свете Чип казался озарённым небесным пламенем, как древний бог...

...Сильные светодиоды горели под потолком ангара. В их белом свете Оранжевая Лётчица казалась озарённой небесным пламенем, как древняя богиня.

Она сидела за столиком в углу. Перед ней навтыжку стоял генерал — командующий базой, с опаской поглядывал на разложенные на столике грозные бумаги — за подписью самого министра обороны.

— Вы действительно хотите оставить наших бойцов на произвол судьбы? — ледяным голосом поинтересовалась она. — А как же наш главный девиз «ни одного солдата не бросим»?

Генерал что-то мямлил невразумительно, но она его не слушала.

— Немедленно заправьте мой «Оранжевый вихрь». — Захлопнула планшет и резко встала. — Я сама отправлюсь за ними... И не говорите мне о риске: когда речь заходит о жизнях зверей, любой риск оправдан!

Её светлые глаза скользнули по стоявшему поодаль стремительному фюзеляжу «Вихря». Остановились на приближающемся Чипе.

— Придётся немного отклониться от курса, агент, чтобы спасти наших солдат, — сказала она, поднимаясь. — Ситуация критическая, никто, кроме нас, не может им помочь. Вы готовы лететь? Справитесь с боязнью высоты?..

— ...Чиппи, здравствуй! — выдохнула Тамми.

Ах, как вспыхнули его глаза! Каким счастьем озарилось его милое лицо!

Он протянул руки навстречу ей. Порывисто шагнул, едва не выронив сжатые в пальцах яркие красочные журналы. Едва не споткнулся.

— Осторожно, Чиппи, не упади!..

— ...Осторожнее, агент! — Лётчица улыбнулась. — Куда вы так торопитесь? Самолёт ещё не запущен...

...Бурундук, будто на крыльях, подлетел к самому столику. Не успел затормозить и крепко стукнулся коленом о соседнее кресло.

— Осторожнее, друг, — прикрикнул на него красноносый. — Смотри, хряпнешься — станешь инвалидом!..

В гостиную величаво вплыл Рокфор, неся на вытянутых руках поднос с чайником, чашками и блюдечком с сахарным печеньем.

— А вот я вам и чайку сообразил, дорогие мои друзья, — протянул басовито, улыбаясь в пышные усы. — Чай-то для доброй беседы — самое оно.

Чип поморщился от боли. Склонился набок, потёр ладонью ушибленное колено. Всё-таки уронил журналы.

На разноцветной обложке одного из них горели алым крупные буквы: «Оранжевая Лётчица и обречённый взвод».

Тамми бросилась ему навстречу, схватила за руки, усадила в кресло.

— Чиппи! Чиппи! Бедный мой... Больно? Ничего, сейчас всё пройдёт!..

— ...Ушибы обычно скоро проходят, — коротко бросила Лётчица, помогая агенту Коулриджу подняться. — И на будущее: если окажетесь на военной базе, всегда смотрите под ноги — тут везде лужи смазки...

— ...Спасибо вам, Эмили, — прошептал Чип. Вздрыгнул от испуга. — Эмили? Эмили?!!

Заставленный самолётами, заполненный суесящимися зверьми ангар куда-то исчез. Вместо него появилось круглое помещение с телевизором у стены, стоявшим у него изогнутым дугой синим диваном и подвешенными за чем-то под потолком человеческими наушниками.

— Где это я?.. — пролепетал поражённый бурундук. — Ах... это же наша гостиная... наш столик у окна... А вы кто?

Над ним склонилась незнакомая белка, уже немолодая, измождённая, с бледным лицом и запавшими глазами. На ней было тёмное платье, похоже, сшитое собственноручно, неумело, большими стежками. Через плечо висела лоскутная сумка с лямками, сделанными из толстых ниток.

Дейл ткнул его под бок.

— Не узнаешь, что ли? Это же Тамми! Белка, что жила по соседству и нравилась тебе. Ну, вспомнил?

— Тамми?..

В памяти всплыли заголовки газетных статей: «Тамара Джей, подающая надежды новая актриса, занята в новом фильме о Стремительной Троице»,

«Внезапное исчезновение Тамары Джей, съёмки сорваны», «Куда пропала Тамара Джей? Уже три сцены отсняты с дублёршей», «Суд над Тамарой Джей»...

Джей...

...«Джей» — большая буква, выведенная на стенах ангара красной, сильно облупившейся за прошедшие года краской. Вокруг — ещё несколько таких же ангаров, сильно потрёпанных временем и песчаными бурями; чуть дальше — диспетчерская вышка, приземистые строения казарм и складов. Навсегда застывший возле взлётно-посадочной полосы древний локомотив.

Оранжевая Лётчица легко выпрыгивает из кабины. Протягивает руку.

— Как себя чувствуете, агент? Побороли страх высоты, как я вас учила?

Агент Коулридж выбирается из кабины, неловко спрыгивает. Затёкшие ноги подводят, и он заваливается набок.

— Поднимайтесь! — Она, подхватив за плечи, сильным рывком ставит его на ноги. — Идёмте, выясним, что за странный радиосигнал мы получили из этого места...

— ...Да, Эмили!.. — шепчет Чип, улыбаясь. Тискает в руке журналы, всунутые ему Дейлом. «Оранжевая Лётчица и таинственный сигнал» — гласят крупные буквы на обложке.

Тамми недоумённо переводит взгляд с Дейла на Рокки, с Рокки на Вжика, с Вжика на подошедшую Фокси.

— Что с Чиппи? — вскрикивает перепуганно. — Он заболел? И кто такая Эмили?

И слушает невесёлый рассказ старого мыша, и темнеет лицом, и украдкой смахивает слёзы.

— Вот и втюрился в неё, чтоб ей пусто было!.. — заканчивает поникший головой Рокфор. — И с тех самых пор будто и нет его рядом с нами... Будто вечно летает со своей Лётчицей...

* * *

Они стояли на вершине ледяной горы. Широко расставив ноги, лицами к колючему ветру.

Эмили приложила ко лбу ладонь козырьком, взглянула вдаль. Открыла планшет, сверилась с картой.

— Насколько мне удалось выяснить, логово Магистра Дарка находится где-то там, — сообщила спутнику. — В районе Северного полюса.

Агент Коулридж убрал бинокль в футляр. Озабоченно ответил:

— Звериное ФБР полагает точно так же. Час назад я получил от директора по радио последние инструкции, и они требуют, чтобы мы ограничились разведкой, но не предпринимали ничего самостоятельно.

Лётчица взмахнула рукой, указала вперёд. Ответила со сталью в голосе:

— Там, в плену у Магистра, томится сотня ни в чём не повинных зверей, агент. Если мы не поможем им прямо сейчас, потом, возможно, будет уже поздно.

— Но Бюро опасается, что мы провалим операцию...

— Опасаться нужно не возможного провала, агент, а того, что зло, пока мы медлим, станет сильнее. Выдвигаемся! Прямо сейчас!..

...Громко, на всё обширное пространство площади, ахает разволновавшаяся Фокси; сидящие вокруг зрители шикают на неё...

Агент и Лётчица идут к самолёту. Они полны твёрдой решимости нарушить приказы начальства, спасти пленников зловещего Магистра Дарка во что бы то ни стало. И нет на свете силы, которая их остановит!

Они крепко держатся за руки.

— Мы успеем? — робко спрашивает он.

— Обязательно, — уверенно отвечает она.

И добавляет заветные слова, от которых сладко замирает сердце, и кровь становится горячее, и нет на свете преграды, которую ты не смог бы преодолеть:

— Летим со мной!

* * *

Месяц теплился в бледном небе,
Кротко таял и воск ронял...

Ларисса Андерсен.

«Летим со мной!»

Слова из припева дурацкой песни, которую Тамми исполняла в клубе «Утлый челнок», назойливым комаром звенели в ушах. Из окружающей тропинку ночной черноты тошнотворно несло чем-то прокислым.

Бледный месяц висел над её головой.

Во рту было сухо и горько...

...Вспоминался день, когда она вернулась в студию после выхода из тюрьмы. Ей тогда отказали — вежливо, но твёрдо.

«Вы, безусловно, блестяще дебютировали в «Шепчущих за беседкой», мисс Джеймисон», — заявил Ференц Гарт, продюсер. — «Вы очаровали и зрителей, и критиков, притом что участвовали в роли всего лишь второго плана. Но после всех ваших выходов, да ещё после всей этой грязной истории с вашим... как бишь его там?.. Дюком — увольте!.. Я уже не говорю о том, что фильм о Стремительной Троице в итоге пришлось отменить — между прочим по вашей вине!..»

— ...Поберегись! — гаркнул кто-то под самым ухом. Тамми отшатнулась к краю тропинки, пропуская весёлую компанию молодых зверей, кажется, студентов.

В свете месяца она увидела развилку. Безошибочно свернула направо — она не в первый раз шла этой дорогой от остановки дирижабля, когда возвращалась из клуба домой. Прошла мимо череды лавочек, на которых по вечерам любили сидеть бабушки с внуками (сейчас здесь никого не было, кроме жалкого пьянчужки, с присвистом храпевшего лёжа на сиденье). Миновала три звериных мусорных контейнера, забитых до самого верху.

А вот и пивная «Старый пенёк Олафссон», вырубленная прямо в стволе толстого вяза. Из приоткрытой двери валит клубами табачный дым, дребезжит разухабистое кантри и слышатся перекрикивающие друг друга голоса. Над дверью приклеен грубо вырезанный из пластика силуэт старинного драккара — корабля викингов.

Молоденький опоссум, похоже, недавний иммигрант, высунув язык, лепил к стене рекламный плакат. Закончил, отошёл на шаг, полюбовался, заметил подошедшую белку.

— Извиняй, мадам, — сказал с ужасающим акцентом. — Вот, бери бумагу себе. Не бойсь! У я есть ещё мал-мал.

И сунул ей в руку проспект.

С дешёвой бумаги, отпечатанная яркими красками, смотрела на неё Оранжевая Лётчица. Большие буквы складывались в заголовок:

Скоро! Скоро! Скоро!

В Центральном парке города —

Грандиозный «Эмили-кон»!

Собрание всех поклонников великой героини!

В программе: продажа новых романов, комиксов и атрибутики, угощение, конкурс костюмов и —

Премьера нового фильма

«Оранжевая Лётчица: Арктический рейд»

Спешиите! Спешиите! Спешиите!

Тамми подняла голову. Ей показалось, будто месяц слегка качнулся, будто кивнул ей...

* * *

— Двигатели в порядке, — доложил Коулридж, сидевший на месте второго пилота. — Температура масла также в норме.

Лётчица взглянула на компас, потом на карту. Слегка повернула штурвал.

— А вы неплохо освоились, агент, — заметила она с лёгкой улыбкой. — Вы говорите, закончили лётную школу?

Молодой зверь промолчал. Ему не хотелось говорить, что в школу пилотов он пошёл только под давлением отца, отставного пилота, и спустя год его выгнали оттуда из-за боязни высоты.

Ему вообще не хотелось думать, что их ожидает по прибытии в таинственный замок Магистра Дарка, как они собираются спасать запертых в нём учёных, как думают выбираться оттуда.

Ему хотелось просто сидеть рядом с ней в этой тесной самолётной кабине. Ему хотелось просто лететь вместе с ней — лететь в неведомые земли, в приближающийся шторм, сквозь безлунную ночь, чернейшую из всех ночей, что были с самого сотворения мира...

...Чип и *она* так и сидели, с замиранием сердца глядя на экран и крепко сжав руки друг друга.

- 5 -

— Смотри, Чип, что мне дали в магазине масок! — прокричал восторженно Дейл, размахивая какой-то бумажкой перед самым носом командира.

— Смотри-смотри, Чиппер, — добавил Рокфор. — Будет большое собрание поклонников Оранжевой Лётчицы. Прямо здесь, недалеко от нас, в парке.

— Листовки стали расклеивать ещё пару дней назад, — пропыхтел Дзынь, ставя на пол кастрюлю со свежесваренным компотом и утирая пот.

— Там и новое кино покажут, — заметил помогавший морскому свину Спарки.

Вжик на бреющем полёте пронёсся мимо, изображая самолёт.

А Фокси сунула очаровательный носик в листовку, что сжимал муж, и подпрыгнула от радости, едва не рассыпав охапку театральных масок.

— Ура! Будет конкурс костюмов! Дейлушка, мы обязательно будем участвовать в нём — и выиграем!!!

Чип оторвался от страниц нового романа «Оранжевая Лётчица: Тропический ливень». Посмотрел на друзей. Вяло кивнул, промямлил «да».

— Ну, вот и славненько, — Рокки хлопнул в пухлые ладоши. — Мероприятие намечается аккурат через недельку. Пойдём все вместе. Ух, погуляем на славу!

И подмигнул муху.

— Не знаю, как вам, друзья, а мне что-то сырку захотелось... Может, устроим чаепитие, как в старые добрые времена? (Дзынь, коли ещё хоть раз уделаешь плитку — будешь варить свою бурду из апельсинов и гороха в старом унитаза, так и знай!) Чего скажете, присоседитесь к старому обжоре али нет?

Все стали наперебой убеждать сыролюбца, что он никакой ещё не старый и совсем не обжора... ну-у-у, почти.

Чип не слушал.

Он плечом к плечу с Лётчицей продирался сквозь тропические джунгли, пытаясь отыскать пропавшую экспедицию. Его хлестал яростный ливень, жалили гигантские комары, он тонул в быстрых ручьях, голодал, замерзал сырыми тёмными ночами, но упрямо шёл вперёд — потому что *она* звала его за собой!..

— ...Вперёд, курсант! Не вешайте нос — половину трудностей мы уже преодолели, а до остальных ещё не добрались. Идём же, идём за мной!..

...Дейл с упоением мастерил костюм Магистра Дарка. Разлиновывал тканевые лоскутки карандашом, щёлкал человеческими маникюрными ножницами, вдевал нитку в иголку, высунув язык, примеривался и втыкал. Иногда попадал себе в палец, и тогда Фокси бросала кисть, обнимала по-волчьи завывавшего мужа тёплыми крыльями и ласково успокаивала.

Гаечка дважды выходила на связь. Сообщила, что сильный ветер всё-таки снёс их самолёты далеко к северу, но они всё-таки встали на прежний курс и уже приближаются к Южному полюсу. Пожаловалась на тоску по родному штабу, горячо пообещала вернуться как можно скорее, пожурела Спарки и Дзыня за то, что они по забывчивости едва не спалили обмотку электродвигателя «Крыла», и сдержанно похвалила за то, что быстро потушили. Пожелала друзьям как следует погулять и повеселиться на грядущем «Эмили-коне» и с грустной улыбкой произнесла:

— Хоть бы Чиппи повеселел...

И спросила, обращаясь к командиру:

— А ты кем хочешь быть на конкурсе костюмов, Чип?

— Я?..

Он был согласен быть кем угодно. Агентом Коулриджем, молодым и амбициозным, но даже после многих пережитых им приключений побаивавшимся летать. Флинном Эдвардсом, вольным лётчиком, застрявшим в крохотном городишке посреди африканских джунглей и вынужденным присоединиться к лётчице после того, как бандиты сожгли его ангар вместе со стареньким самолётом. Майки Полом, совсем ещё мальчишкой, спасённым ею из горящего леса и вынужденным участвовать вместе с Эмили в воздушной регате, чтобы выловить затесавшегося среди участников опасного преступника. Джеффом Джефферсоном, механиком на пенсии, что случайно поймал на самодельную рацию сигнал о помощи, отправленный его давно пропавшим без вести родным братом, когда-то бывшим инструктором Оранжевой Лётчицы...

Кем угодно, любым из героев десятков прочитанных книг!

Лишь бы *она* всегда была рядом...

— ...Держитесь рядом, юноша! — крикнула она, прорубаясь через густые заросли высоченной травы. — В этих джунглях потеряться проще простого. Скорее! Идём! Идём за мной!

* * *

— Идём за мной!

Тамми пропела последнюю строчку песни, перевела дыхание и оглядела небольшой зальчик клуба. Посетителей было не очень много, в основном, небогатая молодёжь и старики, обитавшие в окрестностях. Больше половины столиков были свободны.

Крохотный оркестрик стих (Сидни, пианист, похоже, опять надрался за кулисами и разухабисто блямкнул по клавишам мимо ритма, а Тедди, как обычно, простуженный, отложив барабанные палочки, достал носовой платок и задудел иерихонской трубой). Сидевший за ближним столиком высокий старик-белка с длинными седыми кудрями, в зелёном костюме с пышным бантом-бабочкой на шее, чинно захлопал в ладоши. А компания молодёжи на заднем плане от избытка чувств даже засвистела.

За кулисами было грязно и шумно. Валялись под ногами обрывки какой-то афишки — никто не удосужился их убрать; на обрывках топтались без умолку трещащие танцовщицы, чей номер был следующим. Потрескивала — вот-вот сгорит — под потолком человеческая лампочка с большой чёрной подпалиной на стеклянном баллоне. Из кухни зверски тащило жареным луком.

Хоть владелец клуба и не одобрял этого, Рон Ричардсон и Уилли Браун поставили у стены пустой бочонок из-под пива, застелили его какой-то бумажкой, расселись вокруг на ящиках и играли в карты. Рон прислонил к стене свою выдавшую виды гитару, а знаменитую шляпу, которую, как сам он божился, спасла ему жизнь, повесил на вбитый в стену гвоздик. Курил вонючую сигару, скрёб когтем щетинистый подбородок, почёсывал краем карты острое бурундучье ухо и посматривал по сторонам ярко-синим глазом из-под густой седой брови. Уилли, уже в гриме, в драном рыжем парике, кривил большой рот, зло бурчал себе под нос, крутил голым хвостом и метал карты с остервенением.

Тамми побаивалась этой парочки и постаралась поскорее прошмыгнуть мимо, к девчонкам из танцевальной группы. Несмело тронула за плечо Минни, бойкую мышку с пышными чёрными кудряшками.

— Привет! Тут дело такое... — пробормотала робко. — Не одолжишь мне денег? Пятьдесят долларов...

Девчонки вмиг прекратили трещать и удивлённо воззрились на белку.

— А зачем тебе? — спросила одна из них, высокая и рябая крыса (кажется, её звали Эстер).

— У нас же вчера была получка, — заметила другая крыса, не такая высокая, но тоже рябая.

— Намылилась в ресторан? Охотишься на кавалеров? — поинтересовалась третья, миниатюрная бурундушка с блестящим кукольным личиком.

— Или опять взялась за старое, подсела? — резюмировала Минни, глядя на неё колючими чёрными глазами. — Да признавайся уж — тут все свои...

...Оранжевая материя вздорожала так, что у Тамми от цифр на ценниках зарябило в глазах.

— А что вы хотели, барышня, — продавец, щеголеватый крыс в форменном пиджаке с эмблемой магазина, с модными тонкими усиками под носом, развёл руками. — Вы же сами видите, что весь город просто помешался на неизвестной вам Оранжевой Лётчице. Спрос на ткани оранжевой расцветки просто феноменальный! — И добавил, сворачивая резиновый метр. — Так вы будете брать? Если нет, проходите, не задерживайте других клиентов!

Белка покинула большой магазин «Крэмпстон и Крэмпстон». Помялась у выхода, заприметила напротив вывеску «Империя ткани», бросилась к ней.

— Оранжевая материя закончилась, — развела руки продавщица, немолодая ондатра. — Вот только что продала последний обрывок. Спуститесь этажом ниже — может, там есть...

— Оранжевая? — выгнул бровь продавец из «Мэйсон и Фрогги» на третьем этаже Рыночного квартала. — Опоздали — уже кончилась. Завоз будет лишь третьего дня. Хотя, возможно, найдёте её на втором этаже...

— Оранжевая? — гаркнул глуховатый владелец «Лоскутков и ниток» на втором уровне. — Ещё вчера продали остатки. Слышите меня? — И заорал прямо в ухо: — На первом этаже в заведении Тони... Тони — слышите?.. у него вроде есть немного...

— Мама мия! — Тони, молодящийся дядька-белка, всплеснул руками, забегал по тесной лавочке. — Снова оранжевая материя! Всем, абсолютно всем в этом городе нужна оранжевая материя! Не синяя, не красная, не фиолетовая, не белая — а именно оранжевая! О, мадонна, это просто оранжевое помешательство... Стойте, куда же вы уходите, синьора? У меня есть оранжевая материя. Недорого — всего за...

И назвал цену, от которой Тамми стало дурно.

— А вы хотите, синьора, чтобы я отдавал товар даром! — В голосе белки прорезались истерические нотки. — А мне нужно кормить семью!.. Вы знаете, сколько у меня детей? Вот, можете посчитать сами! Микки, Тони-младший, Альберто, Виченце — это же просто зоопарк какой-то!.. Альберто, не лапай ткань — она не для тебя, а для клиента!.. Итак, синьора? — И подкрутил заливчатый ус.

Белка резко выдохнула, решительно ответила:

— Беру!

И сама испугалась собственной смелости.

— Только... можно не сейчас, а завтра? Вы не могли бы отложить на денёк? Просто сейчас у меня нет денег. Как раз пятидесяти долларов...

— ...Мне нужно всего-навсего пятьдесят долларов, — умоляюще протянула она, не смея поднять глаз.

Меган Блэкстоун картинно возвела глаза горе (точнее, к потолку с большим жёлтым пятном — когда-то этажом выше прорвало водопровод). А миссис Фосс, кривя тонкие бескровные губы, процедила:

— Зачем, позвольте узнать? Принялись за старое?

— Не иначе, — поддакнула Меган. — Я этих наркоманок насквозь вижу — так и думают, где бы найти дозу да... как это там у них называется?.. забалдеть.

Тамми скрипнула зубами.

— После выхода из тюрьмы я больше не употребляю, — как можно более убедительно сказала она. — Да и раньше я употребляла всего раз пять...

«...Для моей белочки — только всё самое лучшее!...» — будто наяву, слышался ей глубокий голос Дюка.

Грубое, будто вырубленное из камня лицо, глаза, подёрнутые тьмой. Палец с золотым перстнем, пёстрый галстук с бриллиантовой брошью. Крепкие руки, обнимающие её.

Полоска тончайшего белёсого порошка, аккуратно, со знанием дела, рассыпанная по полированному столу красного дерева...

«Вдохни, только посильнее».

Едкое покалывание в носу — и вот уже комната катится вбок, и мысли уносятся прочь...

«Попробуй! Это волшебная пыль, райская амброзия»...

— ...Бывших наркоманов не бывает! — отрезала главная медсестра. — Как и бывших уголовников!

И зашагала прочь, сопровождаемая нашёптывающей что-то ей в ухо Меган...

...Эстер наклонилась, зашептала что-то на ухо Минни. Та криво ухмыльнулась.

— Спустила деньги на дозу, а теперь даже пожрать не на что. — И со скучающим видом глянула куда-то мимо. — Девчонки, сигаретки не найдётся?

Тамми отошла в сторонку. Прислонилась к стене, вздохнула.

От вонии горелого лука, что доносилась из кухни, першило в горле.

Уилли злобно швырнул карты на бочонок.

— Опять выиграл у меня вчистую, бес седой! — вскрикнул скрипучим, как несмазанные ворота, голосом. Поправил съехавший парик. — А эти фифы, — кивнул в сторону убежавших танцовщиц, — дымят и окурки свои кидают абы где! А у меня, между прочим, лёгкие ни к чёрту!..

Раздалась музыка, и танцовщицы побежали на сцену. Минни зло швырнула только что закуренную сигаретку.

— Наркоманка! — бросила напоследок.

Тамми проглотила слёзы. Что ж, её номер закончился, и делать ей тут больше совершенно нечего. Пора идти домой (где, между прочим, у неё полно стирки).

— Стой! Погодь-ка! — совсем по-вороньи каркнул ей вслед Уилли. — Слышь, молодуха, куда ж пылишь так? Иди сюда, чё скажу!..

Тамми робко приблизилась. От клоуна пахло виски.

— Пятьдесят баксов, говоришь? На-ка! — И бросил на бочонок несколько мятых банкнот. — Звиняй — всего тридцатник. Остальное тебе Рон добавит. Ну, чёрт коржавый?

Рон буркнул что-то, сунул руку в карман куртки. Достал горсть мелочи, разложил на ладони, пересчитал.

— Двадцать семь. Аж с избытком. Да бери, бери — по себе знаю, что лишними не будут.

И сунул деньги во вспотевшую белкину ладонь.

— Спасибо... Больше, большое спасибо вам!

— Домой иди, — скрежетнул клоун. — Поздно уже, а здешний райончик сама знаешь какой...

...Она бежала по лужам, и капельки воды искрящимися бриллиантиками разлетались из-под её ног. Далёкие звёзды светили ей.

«Жди меня, дорогой, любимый, Чиппи! Скоро я приду к тебе!»

* * *

— Ждём здесь, агент, — скомандовала она. Привстала, высунулась из-за сломанного хвостового оперения погибшего самолёта, приставила к глазам бинокль. — Ждём, пока не очистится горизонт.

Послышался треск мотора аэросаней, на котором разъезжал едва не заметивший их патруль Магистра Дарка. Враги, не обнаружив ничего подозрительного, удалялись.

— Ждём ещё пять минут — на всякий случай. Потом продолжаем путь.

Агент Коулридж привычным движением — научился на тренировках — снял с предохранителя пистолет. Заметил вполголоса:

— Какое счастье, что у ваших аэросаней электрический двигатель. Он совершенно бесшумен, его не слышат.

Треск топливного мотора стих вдалеке. Эмили выглянула из-за хвоста.

— Кажется, ушли. Выдвигаемся...

...Чип сильнее сжал её руку...

...Агент перепрыгнул через сугроб. Поскользнулся, схватился за останки самолёта. Скользнул взглядом по незнакомой эмблеме.

— Чей это аэроплан? Я не узнаю обозначения...

Чёрная туча пробежала по светлому лицу Лётчицы.

— Я не помню его имени... — ответила она глухо. — Говорят, он был из Техаса, или из Орегона, а, может, вообще из Канады... Хотел достичь полюса в одиночку. Сам собрал этот самолёт, своими руками, до последней детали. Попрощался со всеми и отбыл в путь.

Коулридж, утопая в снегу по пояс, подобрался к пилотской кабине. Попытался открыть замертво заклинивший фонарь.

— Уф... нет, не подаётся... И что, он достиг полюса?

Лётчица помолчала. Опустила голову, бережно погладила сломанное тонкое крыло.

— По крайней мере, он добрался до Арктики. Радировал на звериную научную станцию на Островах Королевы Елизаветы³, приземлился в аэропорту Алерта⁴ для дозаправки. А потом улетел на север, и больше его никто не видел... Чем вы там занимаетесь, агент? Давайте помогу!

Вдвоём они наконец-то открыли фонарь. Из кабины на них глянула заledenевшими глазами высохшая мышинная мумия.

— Спаси меня, господи... — выдохнул оторопевший Коулридж.

— Мир его праху... — эхом отозвалась Эмили.

Они вновь закрыли фонарь. Помолчали, стоя рядом.

— Говорят, он был не в себе, — произнесла Лётчица. — Говорят, хотел достичь полюса — и остаться здесь навсегда. Говорят, считал, что только там будет по-настоящему счастлив...

И тряхнула головой, и рыжие волосы взметнулись, как пламя.

— Однако мы теряем время, агент! В путь! Идём за мной!

- 6 -

«Эмили-кон» — праздник поклонников Оранжевой Лётчицы — проходил в отдалённом уголке парка, куда не заглядывали люди. На укромной полянке, окружённой густыми колючими кустами, стояли павильоны, киоски и большущий кинотеатр под открытым небом.

— Экран для него поставили аж с пятой попытки, — переводил Рокфор быструю речь Вжика. — Три бригады здоровенных жуков-дровосеков мучились с утра и до самого вечера. Болтают, подрядчик сэкономил, не захотел

---

³ Группа островов, входящих в состав Канадского Арктического архипелага.

⁴ Посёлок на острове Элсмир, входящем в состав Островов Королевы Елизаветы. Самый северный населённый пункт в мире.

нанимать крыс или ещё кого поздоровее... А ещё там есть колесо обозрения. Так что сможем прокатиться по воздуху, старина Чиппер, прямо как твоя героиня!

Его героиня улыбалась с каждого повешенного на заборе вокруг поля плаката. Манила рукой, звала, требовала: «Летим со мной!»

— Эмили...

Дейл сорвал с головы угловатый чёрный капюшон. Подхватил поля длинного одеяния, в котором щеголял киношный Магистр Дарк, подбежал к другу, затеребил, затормошил:

— Чип, приди в себя! Смотри — вон Лётчица!

И увидел в расширившихся глазах Чипа её отражение.

— Эмили!..

Стайка хорошеньких мышек-подростков в одинаковых оранжевых платьицах подбежали, окружили Спасателей, защебетали, принялись раздавать рекламные проспектики. Воззрились на внушительный, помидорного цвета нос Дейла и всучили ему целый ворох рекламок пивного бара «От винта».

— Аутентичное заведение, — важно заявила миленькая толстوشечка в круглых очочках.

— Совсем как в кино! — заливисто крикнула шустрая блондиночка. Подхватила подружку по руку, и обе, болтая и веселясь, унеслись прочь.

А над всем этим горела, рассеивая сгущающиеся сумерки, выложенная яркими светодиодами вывеска:

Оранжевая Лётчица!

Эмили Фрэйзер!

Мы тебя любим!

* * *

Я в новом платье тонкой ткани
К Вам прилечу на бал большой!

Ларисса Андерсен.

— Деньжат не подкинешь?

Произнеся это, Бинк отлипла от стены и шагнула навстречу. Покачнулась, дыхнула дешёвым виски.

Похоже, снова где-то надралась...

— Я давала тебе в начале этой недели, — строго ответила Тамми. — Неужели ты успела спустить все деньги?

Младшая сестра ничего не ответила, только сдавленно икнула. Снова покачнулась, наклонилась над диваном, на котором старшая сестра разложила оранжевый наряд.

— Чё за прикид? — спросила, разя перегаром. — Работаешь под эту... как её?.. Оранжевую Летучку?

— Оранжевую Лётчицу, — поправила Тамми. Теряя терпение, бросила в сердцах: — Мне, вообще-то, некогда, я скоро уйду. Заваришь чай, пока меня не будет?

Бинк пренебрежительно дёрнула ухом.

— Чай тебе... Мне тоже некогда! У меня... ик... дела. Меня Люшес ждёт. Так деньжата будут? Нет? Жмотишься? Тогда покедова...

И ушла, оставив после себя густой спиртовой дух.

Тамми вздохнула. Открыла окно, чтобы хоть немного проветрить комнату. Упала без сил на диван, посидела так несколько минут. Тяжело поднялась, поплелась было на кухню — заварить чаю. Да по дороге глянула на часы и охнула — ничего себе, сколько уже времени!

Надо спешить!

Торопясь, она оделась. Едва не оторвала непрочную пришитую пуговку. Зажмурилась, пять несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, — так когда-то учил её папка.

И бросилась по тропке туда, где над кончиками притихших травин ярко сияли, разгоняя густеющую темноту, праздничные огни.

* * *

Заведение «От винта» находилось недалеко от входа, между магазинчиком «Эмили-медальонов» и лавкой с «Эмили-флажками». Под матерчатым навесом располагались барная стойка, стенд с фотографиями старинных самолётов и с десяток столиков. Пузатый, как пивная бочка, бармен протирал высокие стеклянные кружки.

Дейл, гулко булькая, одним духом проглотил полпорции доброго светлого эля, утёр нос, выдул остальное, рыгнул прямо на Вжика, едва не отправив того в обморок, расплылся в довольной улыбке и попросил бармена повторить. Рядом Фокси, не теряя времени даром, присосалась к кружке чёрного-пречёрного, сладкого шоколадного стаута.

— Класс! — выкрикнула она, оторвавшись на секунду, вся в бороде из густой белоснежной пены.

Рокфор узнал среди посетителей старого приятеля Дона, пришедшего на праздник с двумя сыновьями — немногословными крепышами, профессиональными механиками. Вместе со Спарки и Дзынем они сразу отошли в сторонку и принялись разглагольствовать о самолётах, моторах, обмотках, батарейках, поршнях, цилиндрах, аэродинамическом профиле крыла и морозостойкой смазке. Спарки горячился, что-то доказывая, а сыновья с важным видом возражали, а старшие вспоминали давние приключения.

Чип сам не заметил, как остался в одиночестве. Прислонился к стойке, кивнул парочке посетителей, узнавших его, закашлялся, отогнал руками густой дым (один из парочки немилосердно курил) и отошёл в сторонку.

И увидел её.

* * *

Как ты красив!
И я, и я красива!

Ларисса Андерсен.

Тамми сразу увидела *его*.

Он стоял неподалёку от барной стойки. Рядом сидели на высоких стульях двое посетителей, один из которых дымил кривой трубкой, как целое паровозное депо. Чуть дальше стояли с кружками Дейл и Фокси; весельчак, неудержимо икая, пытался петь песню «Зелёный глазок приёмника светится вполнакала⁵», а крылатка, в пышной пивной пене по самые лопухастые уши, залиристо хохотала. В сторонке за столиком восседали Рокки, Спарки, Дзынь и ещё трое незнакомцев; все шестеро болтали, как старые друзья.

И только Чип был совсем один.

Она несмело подошла к нему. Тихо сказала:

— Здравствуй!..

Его глаза озарились радостью.

— Лётчица... — выдохнул он. — Оранжевая... Эмили Фрэйзер!..

Ах, как он был красив — сильный, надёжный, уверенный в себе, тянувшийся к ней в неудержимом порыве!

---

⁵ Первая строфа песни Юрия Нестеренко «Битва за Британию».

От его куртки терпко пахло кожзаменителем — и не было на свете запаха слаще!

Вертлявый крыс, продавец значков, подскочил к ним, затараторил что-то, всучил им два медных самолётика на булавках и протянул руку за платой. Чип насыпал ему горсть латунных центов, бережно взял хрупкий самолётик, приколол к её одежде.

— Пойдём? — улыбнулся ей.

Шумной компанией они отправились на аттракционы.

Колесо обозрения вознесло их над морем звериных голов. Ветер, сладко пахнувший цветами, вздурманил им головы. *Его* губы прикоснулись к её вспыхнувшей щеке.

— Будто летим на самолёте! — вскричала Фокси, щедро обдавая всех окружающих запахом пива.

— Ик! Бэ-э-э!.. — согласно кивнул Дейл и едва не спрудил вниз колпак с головы.

Карусель, с кабинками в виде самолётов, закружила их в неистовом танце. Огни горящих светодиодов водили вокруг них сверкающий хоровод.

— Ух! Аж дух захватывает! — крикнул восхищённый сыролюб, придерживая лётный шлем. — Правда, друзья!

— Ох... — проныл Дон. — В животе — будто вторая гражданская война началась...

Трах! Бах! Мелкокалиберные ружья в тире палили так, что закладывало уши. В тесноватом помещенье кисло пахло порохом. Косой Дейл влепил все пульки в «молоко», после чего его оттеснил Рокфор, с важным видом положил на прилавок десятицентовик, зарядил ружьё и во всеуслышанье заявил:

— Метким стрелком дано стать не всякому! Меткий стрелок — это, братцы, штучный товар!

И, лихо вскинув ружьё к плечу, продырявил светильник.

А Чип выбил десять из десяти! И выиграл оловянную эмблему Эскадрильи особого назначения — точно такую же, как и та, что носила сама Лётчица.

— Это тебе, — сказал он, вручая *ей* подарок.

Конкурс костюмов запомнился шумом и сутолокой. Дейл попытался пробраться ближе к сцене, чтобы записаться в участники, но, пока пробирался, всё уже закончилось. Чипу и белке даже пришлось идти искать его.

— Дейл в своём репертуаре... — вздохнул командир Спасателей. — Что ж, пошли за мной!..

А потом они пели в караоке-баре. Исполняли старые пилотские песни: и «Зелёный глазок приёмника...», и «Призрачная эскадрилья, в бой!» (Дзынь едва не сорвал голос, попытавшись взять руладу), «И мой старый биплан рвётся в небо», и «Улетая в чёрный дождь». Дейл и Фокси составили удивительно неплохой дуэт — посетители бара притихли, развесили уши и с открытыми ртами внимали щемящей сердце «Балладе о пропавших без вести»:

Улетали лётчики
Искать врага.
Затянуло к вечеру
Туманом берега...
Кто-то не вернулся,
Кого-то не нашли...
Не поставишь на море
Ни крестов, ни плит...⁶

А потом белка с замирающим сердцем слушала, как Чип исполняет «Небесного радиста»:

Вспомни, как вдруг искрящимся жалом
По позвоночнику пробежала
Самая звонкая, самая звёздная из частот⁷.

Его глаза горели, как звёзды. Отблески цветомузыки разноцветными сполохами озаряли его сияющее от счастья лицо. Он улыбался, глядя на неё — легендарную героиню, свою Оранжевую Лётчицу.

— Кхе-кхе!.. — просипел всё ещё безголосый Дзынь. Указал на висящие на стенке дамские часики. — Эй, народ! Кино скоро!

Чип положил микрофон на стол. Протянул ей руку.

— Пойдём со мной!..

...Там, сидя на соседних креслах под чёрным, полным звёзд небом, пока экран показывал логотип студии «Энджел Сити Филмз», они впервые по-настоящему поцеловались...

* * *

Агент Коулридж малость оторопел, когда Эмили рывком притянула его к себе и поцеловала прямо в губы.

— На удачу, напарник! — сказала она.

---

⁶ Песня Владислава Крапивина «Маленький принц».

⁷ Песня Олега Медведева «Марш небесных связистов».

И быстро выглянула из-за угла.

— Похоже, Магистр Дарк собрал здесь, в своём логове, целую армию... Как у вас с патронами, Норман?

Агент выщелкнул из пистолета магазин, быстро глянул, выудил из кармана второй. Разочарованно протянул:

— Маловато...

— Как всегда! — Лётчица выгребла из кармана горсть револьверных патронов. — Ну да нам не привыкать, верно?

Из коридора загнусавил мегафон, предлагая сдаться.

— Вы назвали меня по имени, мисс Фрэйзер... — краснея, пролепетал Коулридж.

— Друзей не называют по фамилиям или званиям... — она подняла бесстрашные карие глаза. — Ну, готовы? Тогда вперёд, за мной!

- 7 -

Яркие огни праздника гасли. Стихала музыка, гремевшая в бесчисленных заведениях, стихал гул постепенно редевшей звериной толпы. Старый бармен за стойкой опустевшего бара домывал последнюю кружку.

— Что ж... — Чип помялся секунду. — До свидания.

— До свидания, — тихо ответила *она*.

Небесным светом сияли её яркие одежды. Выбившиеся из-под пилотского шлема волосы развевались на поднявшемся к ночи ветру, как рыжее пламя. Карие глаза смотрели открыто и прямо.

— А завтра вновь в полёт — навстречу приключениям и подвигам! — улыбнулся командир Спасателей.

Будто туча заволокла её лицо. Померк свет, угас блеск её глаз. Голова поникла.

И смолкать.

И смотреть не прямо... —

вспомнилось вдруг Чипу давно прочитанное где-то стихотворение.

— Что с вами? — бросился он к ней. — Вы огорчены чем-то? Проблемы на службе? Может, враги чересчур сильны?

— Может, враги чересчур сильны? — спросил *он*, склоняясь над ней, ласково кладя руки ей на плечи.

Тамми потупила голову. В голове неподъёмными валунами ворочались мрачные мысли...

Завтра утром её вызывают «на ковёр» к самому главврачу. Об этом ей в самом конце смены с важным видом сообщила главная медсестра. Сказала, что начальство хочет поговорить с ней о её пагубной привычке («...на удовлетворение которой вы пытались взять займы у персонала пятьдесят долларов, и слава богу, что вам никто не дал!...»), и этот разговор будет иметь для неё самые серьёзные последствия...

Опять надо искать Бинк. Где она, в каком притоне? А, может, в больнице, с ножевым ранением, как месяц назад? А, может, в полиции, как на прошлой неделе?..

Праздник кончился. Скоро милый Чиппи, сопровождаемый верными друзьями, уйдёт домой, ляжет спать, чтобы завтра с самого утра отправиться на борьбу со злодеями. И, безусловно, победит, и выйдет живым из любой передряги, и покроет себя и весь отряд Спасателей неувядающей славой.

А она...

Неудавшаяся актриса, забросившая блестящую карьеру ради любовника-мафиозо, застреленного в схватке с полицией. Наркоманка, преступница, отсидевшая два года в тюрьме. Отверженная, от которой отвернулись все друзья. Пережившая ещё одно горе — в тюремной больнице, на продавленной кровати, на залитых кровью простынях...

Какая из неё Оранжевая Лётчица...

— Чиппи, прости меня... — прошептала она.

Чип не слышал. Ласково улыбаясь, он говорил, что никакие враги не страшны, если рядом — верные товарищи, что зло всегда проигрывает, потому что добро — сильнее, и его сила — в дружбе, и что в старой лётчицкой песне есть прекрасные строчки об этом:

Друга верного возьми,
Улетая в чёрный дождь...

— А если вы боитесь, что не справитесь в одиночку, — добавил, — позовите нас, Спасателей. Мы всегда придём на помощь!

Он всё ещё жил в том мире, что существовал на сером полотне киноэкрана, натянутого между двумя вкопанными в землю жердями. Он всё ещё пребывал там, где чистое, удивительно синее небо рассекали стремительные

самолёты, где храбрые пилоты, крепко сжав штурвалы, прокладывали путь по полным белых пятен картам, где в мрачных дворцах плели злодейские козни могущественные враги, но герои без страха и упрёка всегда готовы были подняться на бой с ними.

Он всё ещё оставался там, где спали вековым сном арктические снега, где ледяные торосы вздымались до самого неба, и величественное, ослепительно-белое солнце навсегда застыло в безумных от счастья глазах мёртвого пилота...

— Чиппи, любимый, прости... — произнесла она чуть слышно. — Я не Оранжевая Лётчица. Я — Тамми, Тамми Джеймисон. Помнишь меня?..

И, из последних сил сдерживая жгучие слёзы, повернулась и стремительно зашагала прочь — как можно дальше от него...

— ...До свидания, Лётчица! — взмахнул ей вслед рукой Чип. — Счастливой дороги!

- 8 -

Владельца «Турецкой кофейни», что находилась неподалёку от бара, в тот момент уже закрывавшего заведение, удалось разжалобить, и он за двойную плату сварил для Дейла и Фокси по порции самого крепкого кофе. Вконец окосевшие бурундук и летучая мышь с присвистом засопели, вдыхая поднимающийся над крохотными чашечками бодрящий аромат.

— Пейте, братцы, поскорее, — забасил Рокфор. — Да давайте домой, да на боковую. Поздно уж. Вон и сама Оранжевая Лётчица побежала отсыпаться... А нам вставать завтра ранёхонько!..

Кофе взбодрил незадачливых выпивох, и те поскорее заторопились к выходу. Благо народ почти разошёлся, все заведения закрылись, и уже прибыла бригада тараканов-мусорщиков с тележками, пластиковыми мешками для мусора и острыми иголками, чтобы накалывать на них разбросанные бумажки.

Выйдя за ворота, они распрощались с Доном и его сыновьями. Спарки и Дзынь ушли вперёд, не переставая переговариваться; до остальных временами долетали обрывки фраз: «...можно повысить давление в цилиндрах...», «...двигатели внутреннего сгорания мощнее...», «...зато электромоторы бесшумны...», «...транзистором в силовой цепи не обойдёшься — нужен тиристор...» Рокки насвистывал какую-то песенку, Вжик тоненько подпевал. Дейл и Фокси шагали молча и лишь временами перешёптывались.

А Чип летел, как на крыльях.

— Мы обязательно поймем банду «Терминал»! — провозгласил он, сжав кулаки. — Мы не допустим, чтобы злодеи остались безнаказанными!

Австралиец прекратил свистеть и хмыкнул:

— И где ж ты собираешься ловить их, братец?

— Узнаем! Расспросим всех информаторов — кто-то из них должен знать! И схватим!

И командир Спасателей сделал руками жест, будто хватал кого-то невидимого.

Глядя на него, Рокки заулыбался.

— Ну, вот ты и перестал киснуть, старина Чип. Смотрю на тебя — и сердце радуется! Надо будет почаще выбираться на всякие гулянки да праздники... Э-эх!..

И от избытка чувств с треском стиснул бурундука в объятьях.

— Э-эх! Люблю я тебя, Чиппер! Всех вас люблю, мои дражайшие друзья-товарищи! За всё: за дружбу, за приключения, что я пережил с вами, за то, что не даёте в обиду, за то, что не гоните прочь старика Рокфора!..

Фокси, размахивая крыльями, принялась убеждать немолодого мыша, что он ещё совсем не старый, а всего лишь средних лет, и что он сам не даёт их в обиду, что отряд Спасателей без него ни за что не справится. И, не углядев, врезалась в кусты, и заливисто захохотала.

Они вышли в скверик, где любили отдыхать окрестные звери по вечерам. Сейчас здесь было пусто; в свете светодиодных фонарей копошились пятеро тараканов-мусорщиков, подбирали с земли бумажки, обёртки и пустые бутылочки из-под «ку-ку-колы» и складывали в пластиковый мешок.

И тут Дейл запутался в своей длинной хламиде и шмякнулся физиономией прямо в мешок с мусором. Мусорщики бросились его поднимать.

Вжик взвизгнул, ринулся к своему неуклюжему другу. Отмахнулся от Фокси, что сунулась помогать, но сама едва не плюхнулась туда же, отодрал от красного носа прилипшую конфетную бумажку.

— Ой!.. спасибо, приятель... — Дейл размазал грязь по лицу. Покачнулся.

Чип подскочил к нему, подставил плечо.

— Пошли домой скорее! И сразу ложись спать, не сиди перед телевизором!

И они двинулись дальше, сопровождаемые писклявыми тараканьими соболезнованиями.

— А Оранжевая Лётчица классная! — сказал командир Спасателей, когда они уже подходили к штабному дубу. — Всегда готова прийти на помощь. Прямо как мы!

И принялся командовать:

— Фокси, лети первая! Вжик — за ней! Рокки, Спарки, Дзынь, подождите пока — вдруг придётся тащить Дейла... Дейл! Дейл!!! Просыпайся! Лезь! Если что, не бойся — мы тебя подстрахуем!

* * *

Месяц теплился в бледном небе,
Кротко таял и воск ронял,
Тихий вечер в печальном крепе
Подошёл и меня обнял.

Ларисса Андерсен.

Тихую лужайку заливал лунный свет. Мягкие травы склоняли пушистые головы к самой земле, будто скорбя по кому-то. Притихший ветерок негромко вздыхал в отдалении, не осмеливаясь подойти поближе.

Тамми вышла в круг лунного света. Остановилась, поникла головой, прочитала вырезанную на цементной плите надпись.

Когда хоронили маму, она была в тюрьме. Отлёживалась в тюремной больнице, приходила в себя после родов. Была так слаба, что едва-едва могла доковылять до туалета.

Соседи говорили, на похоронах было много народа. Приехали звери из других городов: Сан-Франциско, Окленда, Сан-Диего, Сакраменто, Хьюстона, даже из Филадельфии. Родственники, друзья, одноклассники — все, кому мама помогла когда-то.

Не было только её.

Могила папы находилась левее. Пустая — он давно пропал без вести в далёких краях. Наверно, разбился на своём самолёте, не успев передать по радио сигнал бедствия.

В пустой могиле похоронили его старый рюкзак, пару выцветших от старости фотографий (отец не любил сниматься, говорил, что незачем — пока он жив, домашние налюбуются на него живого) и его любимую книгу — «Маленький принц» человеческого писателя Антуана де Сент-Экзюпери.

В остальном пустая могила ничем не отличалась от настоящей — так требовал старинный звериный обычай.

Тонкий лунный лучик упал правее, на ещё одну цементную плиту с вырезанными буквами. Ещё одна могила, совсем маленькая...

...Застиранная простыня, тусклая лампочка под потолком. Бледная медсестра в сбившейся повязке. Бледный врач, калящий над пламенем человеческой зажигалки скальпель — обломок бритвенного лезвия, тоже человеческого, прикрученный проволокой к металлическому стерженьку.

— Тяжёлые роды, — кричит он медсестре. — Готовьте кесарево сечение!..

...Её ребёнок, сын Дьюка, родился мертвым. Тамми попросила, потом потребовала показать его. И, баюкая на руках крошечное холодное тельце, назвала его Чипом...

И вспомнила стихотворение, что декламировала на актёрских курсах:

Я уже навсегда узнала,
Что случается на земле⁸...

— ...Спи, Чиппи! — тихо сказала она. — Спи спокойно, мой малыш! Спите, мама, папа! Поцелуйте моего сына. Будьте счастливы там, на небесах!..

* * *

Несмотря на запрет Чипа, Дейл всё-таки включил телевизор. Шумно возмутился тем, что «Лос-Анджелесские желудееды» со свистом продули «Вашингтонским грызунозаврам». Без особого интереса просмотрел репортаж с шахматного турнира. И принялся, рискуя вывихнуть челюсть, зевать, когда началась светская хроника.

— Голливудская звезда Марша Вудс, исполнительница роли Оранжевой Лётчицы, стала фигурантом очередного скандала, — вещал с экрана ведущий, высокий лощёный мыш с длинными светлыми волосами, в модной гавайке с пальмами и попугаями. — Актриса вступила в конфликт с собственной горничной и бросила в неё чайной чашкой. Как сообщают наши источники, горничная намерена подать в суд...

Дейл всхрипнул, клюнул носом, выронил пульт и сам едва не свалился с дивана.

— А-а-а!.. Пошли спать, дорогуша, — тоже неудержимо зевая, протянула Фоксглав. Обняла избранника крылом и потянула в их комнату.

Со стороны мастерской донёсся треск мотора — похоже, неугомонные Спарки и Дзынь на ночь глядя решили форсировать новый мотор.

Чип хлопнул по плечу Рокфора, направляющегося на кухню подкрепиться на сон грядущий. Поднял пульт, положил на диван. Хрустнул шеей, направился в мастерскую устроить штатным техникам хороший нагоняй.

По пути заглянул в свою комнату. Собрал разбросанные на столике книжки о Лётчице, аккуратно поставил их на полку. Взял одну из книг, с занимавшим всю обложку портретом отважной героини, улыбнулся ей.

— Летим со мной! — прошептал тихо.

---

⁸ Стихотворение Лариссы Андерсен.

В памяти неожиданно всплыло полужнакомое лицо. Какая-то белка, уже немолодая, измождённая, с бледным лицом и запавшими глазами. Кажется, она не очень давно приходила к ним в штаб...

Кто она такая? Может, ей нужна помощь?..

Треск мотора перешёл в надрывный вой, потом — в визг. В воздухе расплывался едкий запах гари. Послышались громкие голоса: лабораторный крыс и толстый морской свин говорили одновременно, перебивая друг друга.

Командир выскочил в коридор и бросился к двери мастерской. Ну, сейчас он им покажет!

* * *

Оранжевые пилотская куртка и брюки валялись, смятые, на полу. Оранжевый пилотский шлем сиротливо лежал на подоконнике.

Тамми без сил упала на кровать. Скорчилась, обхватила руками поджатые ноги, как в детстве, когда её обижали одноклассники. Бессмысленно уставилась на пустую стену.

Перед её глазами вновь стояло сияющее от счастья лицо Чипа. Она до сих пор слышала его ласковый голос, чувствовала прикосновение его тёплых рук, его горячие поцелуи. Она вспоминала сказанные им милые слова, рассказанные им шутки, спетые им песни, его весёлый смех, пляшущие в его глазах яркие искорки. Как его голос слегка вздрагивал, произнеся столь дорогое ему имя...

Эмили Фрэйзер. Оранжевая Лётчица.

О, как он любил её! Любил самозабвенно, без ума, готовый ради неё сорваться с места, бежать, плыть, лететь куда угодно, совершить любое безрассудство, любой подвиг, — лишь бы она всегда была рядом с ним.

А Тамми... А что Тамми!..

Когда она по приглашению Вжика пришла в гости к Спасателям, Чип, кажется, даже не узнал её...

Тяжёлый душный сон подкрался незаметно, плотным непроницаемым покрывалом навалился на белку, укутал, укрыл с головой. Тамми вскрикнула, задыхаясь.

И провалилась сквозь кровать...

...И оказалась в кабине самолёта.

Чистое, удивительно синее небо раскинулось над её головой. Ровно гудел безотказный мотор, ободряюще подмигивали огоньки на приборной панели,

добродушно ворчал в наушниках эфир. Круглый штурвал ладно лежал в обтянутых перчатками ладонях.

А рядом, на месте второго пилота, сидел Чип.

Её Чип.

Ах, как он был красив в этой оранжевой форме!

— Куда теперь, командир? — лихо отсалютовав, спросил он.

Тамми открыла планшет.

— Майор медицинской службы Мюллер с отрядом спасения ждёт доставки антибиотиков в городе Виндхук, — отчеканила она. — Это в Намибии, на юго-западе Африки. И срочно: там вспышка чумы грызунов!

— Прокладываю курс! — доложил звонкий голос сзади.

Тамми обернулась. Сидевшая на месте штурмана Бинк, в такой же оранжевой форме, подняла лицо от разложенной на столике карты, улыбнулась и снова принялась мерять расстояние блестящим циркулем.

Индикатор топлива показывал полный бак. Полученная ранее метеорологическая сводка предвещала прекрасную погоду.

— Что ж, — решительно произнесла белка, — тогда вперёд!

Чип улыбнулся ей. Сдвинулся вбок, обхватил её рукой за талию, прикоснулся губами к щеке...

...Банк ввалилась в квартиру уже ближе к полуночи. Потопталась у порога, схватилась рукой за стену, промахнулась мимо выключателя.

— Во блин!.. — зло бросила сквозь зубы. Густо рыгнула, покачнулась, с грехом пополам включила свет.

— Эй, сестрёнка, привет! Ты где? Деньжат не подкинешь, а то я на мели!

Квартира ответила ей темнотой и безмолвием.

Младшая сестра, болтаясь из стороны в сторону, будто лос-анджелесский докер в день получки, двинулась дальше. Качнулась назад, замахала руками, но так и не поймала равновесие, с грохотом сверзилась, крепко стукнувшись затылком. Приподнялась, села, долго мотала головой из стороны в сторону.

— Сеструха! Эй!

Никто ей не ответил.

На тумбочке стояла сумка Тамми — тряпичная, сшитая кое-как (хозяйка была не бог весть какой портнихой). Из спальни доносилось тихое дыхание.

— Кемаришь, что ли?

Заплетающимися ногами она прошагала туда. Со второй попытки вписалась в дверной проём, с третьей попытки включила свет.

Старшая сестра, скорчившись, спала на кровати. На полу валялись, смятые, оранжевая куртка и брюки, на подоконнике, сверкая очками-консервами, — пилотский шлем.

— Ну и бардак... — выдохнула перегаром Бинк.

Она двинулась было подобрать разбросанную одежду, но оступилась и едва снова не грохнулась. Схватила рукой за шкаф, постояла пару секунд.

Взглянула в улыбающееся лицо Тамми.

— Ну и дрыхни себе!.. А я пошла!

С трудом вышла в коридор. Попыталась выключить за собой свет, но снова промахнулась, плюнула в угол и зашагала дальше.

— Я уйду к Люшесу, — доложила в пустоту. — Меня не жди.

Она было направилась к выходу, но передумала. Украдкой приблизилась к тумбочке, сунула руку в сумку, вынула деньги, торопливо запихала во внутренний карман курточки.

И бросилась прочь, чтобы никогда больше сюда не возвращаться...

— ...Враги приближаются! — тревожно вскрикнула Тамми сквозь сон. — Чиппи, прими управление! Бинк, свяжись с командованием, доложи обстановку! Я — за пулемёт!..

- 9 -

Рокфор, с довольным видом поглаживая туго набитый живот, вышел из кухни. Подмигнул не менее довольному Вжику, до отвала налопавшемуся малинового варенья, и направился проверить, всё ли в порядке.

По пути заглянул в гостиную — красноносый, засиживаясь допоздна, частенько забывал вырубить телек. Глянул на чёрный экран, смахнул с листа росшей в напёрстке в углу пышной травины пушинку, удовлетворённо кивнул и направился дальше.

В мастерской было тихо. Мышь приоткрыл дверь: оба механика блаженно дрыхли, так и не сняв одежды: морской свин — на заваленном железками и заляпанном смазкой верстаке, а крыс — сидя на стуле и навалившись всем толстым телом на стол с чертежами. На кончике его колючего носа чернело пятно машинного масла; вымазанные смазкой волосы торчали в разные стороны.

— Опять забыл помыться... — проворчал старый мыш. — Вот растапа! Ох, и устрою я ему завтра!.. — Тихонько прикрыл дверь и зашагал назад.

Из-за двери комнаты, занимаемой Дейлом и Фоксглав, доносились могучие басовитые рулады — милая, нежная летучая мышка во сне храпела так, что закладывало уши. В промежутках между её громогласными всхрапываниями слышалось робкое посвистывание бурундука.

— Чисто полковой оркестр! — австралиец удивлённо покрутил головой.

Дверь в комнату Чипа была приоткрыта. Рокки тихонько заглянул, пробежал глазами по аккуратно расставленным на полках книгам, по сложенным в стопочку комиксам, глянул на починенную наконец-то настольную лампу, на чисто подметённый пол, с удовлетворением кивнул. Посмотрел на ярко освещённое лунным светом лицо старого друга.

Чип улыбался во сне. Обычно гладко зачёсанные назад волосы разлохматились, будто их развевал невидимый ветер.

Вот он пошевелился. Повернул голову, будто обращаясь к кому-то, тихо-тихо выдохнул сквозь сон:

— Пока работает мотор — не всё потеряно...

Рокфор тихонько отступил назад, прикрыл дверь. Плохо смазанная петля скрипнула.

Командир Спасателей ничего не слышал...

...Он не слышал, как неподалёку, в дупле старого тополя, в тесной спаленке забывшаяся в мимолётном сне немолодая измученная белка, не просыпаясь, вздрогнула, повернулась набок и выдохнула едва слышно, обращаясь в пустое чёрное пространство:

— Летим со мной!..

Апрель-июнь 2019 г.